

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2018

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Д.В. Андриянова, Е.А. Крестьянников** — Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г.А. Гребенщикова** — Андрей Яковлевич Италинский 20

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский** — Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе 35

СООБЩЕНИЯ

- Г.Б. Избасарова** — Модели управления казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского 49
- Ю.И. Дин, К. Мин** — Освещение сухопутной операции советских войск в северной Корее в августе 1945 г. ... 61
- В.В. Гафаров** — Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы первой мировой войны 70

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- С.В. Холяев** — Двуетадная революция 83
- В.В. Аникин** — О понятии «способ производства» 99

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалёв** — Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения 108

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю.Н. Тимкин** — «Дело» о разложении партийного руководства Вятского горрайкома ВКП(б) в 1933 г. 124
- Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова** — Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана 137
- Д.А. Ахременко, И.Н. Новикова** — Судебные преследования православного населения в Австро-Венгрии накануне первой мировой войны 143
- Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский** — Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. 151

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Ш.М. Хапизов, М.Г. Шехмагомедов** — Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV—XVIII вв. 166

Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в.

Д.В. Андриянова, Е.А. Крестьянников

Аннотация. В статье рассматриваются правительственные меры периода поздней империи по привлечению чиновников на работу в Сибирь. Сравнительный анализ позволяет прийти к заключению о принципиальных различиях в способах, которыми поощрялась служба в администрации и юстиции. Доказывается, что такая разница определялась особенностями функций и задач этих учреждений, зависела от их положения в государственной системе и обществе, а также отношения к ним самодержавия.

Ключевые слова: Сибирь, чиновники, судьи, государственная служба.

Abstract. In article government measures of the period of the late empire for involvement of officials to Siberia and to stimulation of their work in the region are considered. The comparative analysis allows to conclude about fundamental differences in methods which encouraged service in administration and justice. It is proved that such difference was defined by features of functions and tasks of these institutions, depended on their situation in the state system and society and also the autocracy attitude towards them.

Key words: Siberia, officials, judges, civil service.

Эффективностью поощрения чиновного старания обусловлены качество человеческих ресурсов органов власти, их общий потенциал, результативность деятельности и, в конечном счете, способность решать возложенные государством задачи. Дореволюционная Сибирь традиционно испытывала острый дефицит в квалифицированных и добросовестных сотрудниках администрации и судов, а царизм, иногда

Андриянова Дина Владимировна — инженер-исследователь лаборатории исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: andrijanowa@gmail.com; *Крестьянников Евгений Адольфович* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

Andriyanova Dina V. — research engineer of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology of the Tyumen State University. E-mail: andrijanowa@gmail.com; *Krestyannikov Evgeniy A.* — doctor of historical sciences, leading researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, head of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology of the Tyumen State University. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

спорадически, предпринимая меры по совершенствованию управления краем, обращал внимание на улучшение состава служащих государственного аппарата к востоку от Урала. Хотя в изучении реформирования штата и функционирования сибирских администраций и юстиции незадолго до падения монархии современная историография продвинулась далеко ¹, она лишь обозначила вопросы стимулирования труда местных чиновников, а попытки сравнить режимы мотивирования работников из указанных ведомств вообще пока не известны.

На основе законов 1 июня 1895 г. ² и 13 мая 1896 г. ³ в Сибири проводились масштабные административные и судебные преобразования, подготовленные еще мероприятиями 1880-х гг. (например, в 1882 г. ликвидировалось Западносибирское генерал-губернаторство ⁴, а при его закрытии правительственные чиновники указывали на настоятельную необходимость усовершенствовать правосудие края ⁵, что воплотилось в весьма половинчатом преобразовании 1885 г. ⁶). Смысл реорганизации управления объяснялся так: «Органы губернской администрации в Сибири должны быть преобразованы однообразно и на началах, кои соответствовали бы общему административному строю внутренних губерний» ⁷. Реформирование юстиции базировалось на Судебных уставах 1864 г., а, значит, сибиряки наконец-то получили «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех».

Чтобы органы власти, установленные по подобию остальной России, действовали успешно, их надлежало укомплектовать умелыми и трудолюбивыми работниками. Найти таких в регионе или за его пределами — чрезвычайно сложная задача, в решении которой средствам поощрения труда отводилась важная роль. Причем, юстицию требовалось наполнить квалифицированными кадрами сразу, поскольку иного не допускало законодательство ⁸. Статистика Министерства юстиции свидетельствовала, что в момент введения уставов 47% всех назначений выпало на долю людей, так или иначе знакомых с Сибирью, а 53% лиц, занявших должности в сибирских судебных установлениях, увидели эту имперскую окраину впервые. Отмеченная мера позволила поднять на небывалую высоту общий образовательный уровень местных судей. Из всего числа лиц, назначенных в новые суды региона, 81,5% получили высшее юридическое образование, 10,3% — высшее неюридическое и лишь 8,2% не имели аттестата о высшем образовании, но обладали достаточным опытом ⁹.

Наряду с мероприятиями по осуществлению реформ важным условием дальнейшего благополучного функционирования организаций было поддержание у их сотрудников желания трудиться. Перед министерствами внутренних дел и юстиции стояли единые задачи: сделать привлекательной службу в суровом крае и для решившихся на переезд, и для уже находившихся здесь чиновников, создав условия для качественного исполнения ими своих обязанностей. Однако сценарии решения этих вопросов были разными не только из-за функциональной ведомственной специфики. К концу XIX в. существенно нарушилось равновесие между административной и судебной властями, установленное в эпоху Александра II. Курс самодержавия на «бдительное и строгое» правительственное «воздействие на суд» ¹⁰ и крайняя противоречивость судебной политики ¹¹ нанесли сокруши-

тельный удар по судейской самостоятельности, обеспеченной когда-то реформой 1864 г. и базировавшейся на несменяемости и высокой квалификации судей, их достойном жаловании и безусловном авторитете в глазах населения ¹². Таким образом, в государстве изменился баланс в распределении ресурсов между этими ведомствами не в пользу носителей правосудия.

С целью мотивирования сибирских управленцев широко использовалась практика льгот, с помощью которых самодержавие стремилось сохранить приемлемый кадровый потенциал и обеспечить терпимую, с точки зрения государственной власти, результативность управления регионом. Притягательными службу делали привилегии, установленные еще в 1886 г. «Правилами об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского» ¹³, применявшиеся теперь в Сибири. Тут четыре рабочих дня считались за три, что существенно сокращало срок получения следующего чина. Среди льгот было добавочное жалование за годы службы: пятилетнее исполнение должности сулило прибавку в 20%; после второго пятилетнего срока службы назначалось вместо первой прибавки две новых из оклада, который зарабатывал чиновник при выслуге в десять лет. Такие надбавки были весомыми. К примеру, в администрации Тобольской губернии вице-губернатор Н.В. Протасьев за выслугу в пять лет получал 450 руб. дополнительно при зарплате 2250 рублей ¹⁴. Непременный член по крестьянским делам Тобольского губернского управления А.П. Нарышкин за два пятилетия службы имел прибавку в 500 руб. (40%) при зарплате в 1250 рублей ¹⁵.

В судебном ведомстве подобные механизмы находили незначительное применение ¹⁶. Между тем они, по мнению юристов края, могли значительно улучшить материальное положение чиновников, что доказывалось даже научными способами. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. Юридическое общество при Императорском Томском университете, представлявшее собой содружество правоведов-теоретиков (профессора университета) и правоведов-практиков (члены окружных судов, прокуроры, адвокаты, мировые судьи), провело анкетирование судебных деятелей региона и по результатам опроса признало безусловно необходимым установить систему повышения им зарплаты за выслугу. Юристы полагали справедливым и разумным, если после первого пятилетия службы вознаграждение за труд увеличивалось бы на 300 руб., после второго — на 400 руб., а после третьего — на 500 рублей ¹⁷.

К льготам сотрудников администрации в Сибири относились, в частности, пособия семьям чиновников, умерших на службе. Вдова начальника одного из отделений канцелярии Е.А. Заборовского единовременно получила 250 руб. после смерти мужа и пенсионное обеспечение, но средств все равно не хватало. «В настоящее время живу на маленькую пенсию, из которой должна уделять младшему сыну еще несовершеннолетнему и требующему мою поддержку» — жаловалась она ¹⁸. После смерти младшего чиновника особых поручений М.Г. Фидюкова на его погребение выделили 150 руб.; также губернатором был выписан кредит на сумму 1717 руб. 78 коп. для единовременной выдачи вдове, ей по потере кормильца назначалась пенсия

250 рублей¹⁹. Судя по всему, родственникам скончавшихся судей ничего не гарантировалось, и вспомоществования зависели от доброй воли начальства усопших, которое по мере возможностей старалось изыскать средства для помощи в трудную минуту. Например, когда в 1905 г. скончался мировой судья 1-го участка Ачинского уезда Енисейской губернии В.И. Янишевский, его вдове сам министр юстиции назначил 150 руб. «в пособие на возмещение издержек по погребению мужа», а также ей и дочери покойного предусматривалась единовременная выплата 600 рублей²⁰.

Существенным для работников администрации являлось пособие «на обзаведение детей», предусматривавшее возможность получения казенных стипендий в учебных заведениях. В 1898 г. по этой статье на чиновников губернского управления в Тобольске была выделена немалая сумма в 2800 рублей²¹. Сибирские управленцы имели преимущества в пенсионном снабжении. Во-первых, их обеспечивал тот самый льготный режим, когда три дня службы считались за четыре, во-вторых, выслуга сокращенных пенсионных сроков сохранялась при переводе на службу в Европейскую Россию²². Судебные чиновники в указанном отношении были явно ущемлены. Одним из результатов наступления на судебскую независимость в России стало то, что в Сибири законом 13 мая 1896 г. мировым судьям присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось Судебными уставами Александра II. Соответственно понижался размер их пенсий.

Хотя, как отмечает Т.Г. Карчаева, к концу XIX — началу XX в. из-за общей либерализации основ государственной службы роль привилегий в крае падала²³, преимущества для чиновников оставались «главной специфической чертой кадровой политики в Сибири»²⁴. Они по-прежнему признавались действенным средством привлечения квалифицированных работников в сибирскую администрацию. Недаром инициативы пересмотра преимуществ служащих в далеких местностях не находили поддержки ни в Санкт-Петербурге, ни в сибирском крае. В 1908 г. по почину министра финансов создавалась комиссия, рассматривавшая вопрос о сокращении льгот для служащих в отдаленных районах. Члены комиссии высказались за сохранение прежнего покровительственного режима, особенно на севере Тобольской и Енисейской губерний, а также в более восточных сибирских областях. Они заключили, что преимущества, данные там служащим, являлись одновременно вполне справедливым вознаграждением и способом привлечения в край чиновников²⁵.

Когда в 1912 г. министром внутренних дел был поднят вопрос об упразднении привилегий для приезжающих чиновников, тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман созвал совещание, на котором практику льгот признали нужным сохранить и даже намекали на необходимость ее расширения. Губернский ветеринарный инспектор А.Я. Лемперт заметил, что на 1909 г. в его ведомстве из одиннадцати должностей, представлявших преимущества по службе, были заняты только семь, и «все усилия в течение ряда лет вызвать на эти должности кандидатов не увенчались успехом». Сам губернатор отмечал, что в последнее время жизнь в губернии стала развиваться, но жизненные условия почти не изменились, за исключением городов, стоящих на

железной дороге. Участники совещания также делали акцент на том, что льготный распорядок лишь в слабой степени восполнял те лишения, которые были вызваны местной обстановкой. Тем не менее, привилегии имели важное значение для привлечения на службу «пусть временно, но все же достойных». Поэтому резюмировалось: «Отмена или сокращение в чем-либо особых преимуществ службы в Тобольской губернии является преждевременной»²⁶. Особенно важно было сохранить режим разного рода «бенефиций» в условиях незначительного материального обеспечения служащих и их дефицита. Гагман отмечал: «Комплектование учреждений губернии интеллигентными, соответствующими делу работниками, вследствие тяжелых условий жизни и службы крайне затруднительно, в особенности на средние и низшие должности с крайне ограниченным содержанием, не покрывающим даже самых скромных требований жизни»²⁷.

С точки зрения привлечения на работу местных жителей, историки оценивают результативность применения льгот в отношении служащих сибирского управленческого аппарата скорее положительно. По крайней мере, отмечается, что к началу XX в. количество сотрудников из уроженцев Сибири в составе местных административных учреждений постепенно возрастало²⁸. В 1908 г. сибиряков среди всего местного чиновничества насчитывалось: в Тобольской губернии — 46%, Томской — 30, Енисейской — 41, Иркутской — 34%²⁹. Правда, ближе к Тихому океану подобные цифры значительно уменьшались. По сведениям В.Е. Зубова, чиновников с сибирским происхождением в Амурской области тогда же было лишь 15%, а в Приморской области — только 5%³⁰.

Юстиция находилась в ином положении, поскольку среди местного чиновничества ее служащие являлись изгоями относительно всяческих вспомоществований кроме положенных штатных жалования, столовых и квартирных. «Все остальные ведомства в Сибири получают усиленное, сравнительно с Европейской Россией, содержание (в особенности по Министерству финансов и путей сообщения) или пользуются какими-то остатками, наградными, прибавками, только судебное лишено всего этого», — жаловался персонал системы правосудия края³¹. Притом, проводя здесь судебную реформу, столичное руководство изначально делало ставку на экономию государственных средств, о чем не смущался заявлять министр юстиции Н.В. Муравьев³². Определяя содержание сибирским судьям, чиновники, причастные к подготовке преобразования, доказывали, что судебское жалование должно равняться ставкам окладов Судебных уставов тридцатилетней давности, несмотря даже на признание последних «ныне совершенно недостаточными». Бюрократы в Санкт-Петербурге рассуждали приблизительно так: можно в крае установить «несколько высшие оклады», но несвоевременно «во избежание, по возможности, всякого неравенства в служебном положении соответствующим по должностям судебных чинов», а, самое главное, «в случае установления для должностных лиц новых судебных мест в Сибири более высоких, чем в других местностях России, окладов содержания, затраты Государственного казначейства, вызываемые проектированным распространением на упомянутый край судебной реформы, увеличились бы в весьма значительной степени, что могло бы повести к не-

которому замедлению в приведении в исполнение предположенного преобразования»³³. В результате судьи края получали незначительное жалование и обрекались на служебную и личную «нищету».

Ощутимые стимулы материального характера предусматривались лишь в момент введения Судебных уставов, когда стояла задача привлечь одновременно большое количество квалифицированных работников из Европейской России. Тогда желающие переехать могли рассчитывать на получение специальных пособий «на подъем и обустройство», выдаваемых в размере годового жалования семейным чиновникам и его трети — холостым³⁴. Но эта мера, как выяснилось очень быстро, не была последовательной и подкрепленной финансированием. Чуть позднее, через полтора года, во время проведения судебного преобразования в среднеазиатских владениях это признал и Муравьев: «При определении размера кредита, необходимого на объясненный предмет для указанных местностей, едва ли возможно руководствоваться нормой, принятой для Сибири, так как сумма, ассигнованная в распоряжение Министерства юстиции на единовременные издержки по введению в сем крае судебной реформы, представлялась недостаточной для покрытия всех подлежащих отнесению на нее расходов». Также выяснилось, что тогда приезжающим в сибирский край чиновникам «были выданы, в виду недостатка средств, суммы, которыми не могли быть покрыты все расходы, вызываемые поездками на новое место службы»³⁵. Потому обыкновенным стало опоздание судей на служебное место. Так, Красноярский окружной суд через несколько недель после фактического открытия реформированных учреждений заслушивал представление мирового судьи Г.А. Петровского, который не смог вовремя прибыть «за неполучением прогонных и подъемных денег»³⁶.

Оказавшись в Сибири, судьи сразу обнаруживали, что в здешней работе нет ничего заманчивого. В частности, отмечалось: «Студента-юриста, уроженца внутренней России, мог бы привлечь сюда на службу какой-нибудь плюс к тому, что есть во внутренней России, плюса же этого он не найдет, а минусы встречает на каждом шагу»³⁷. Сначала легко прогнозируемые, а затем, на практике, чудовищные перегрузки, ничтожное финансирование, необходимость выполнять несвойственную для служащих российской юстиции работу (мировые судьи были за Уралом следователями и иногда нотариусами, съездами мировых судей здесь являлись окружные суды, судебные палаты выполняли функции Сената) уменьшали привлекательность судебской службы в Сибири, препятствуя должному укомплектованию местной юстиции. Сразу после реформирования пресса распространяла известия об уже назначенных в край мировых судьях, которые, узнав о нужности расследовать преступления, отказывались от должностей³⁸; в «бегство» со своих постов обращались многие успевшие вступить в должность чиновники³⁹. «К сожалению, эти ряды редуют, лучшие из этих деятелей не выдерживают непосильной задачи и бегут из Сибири», — рассказывал о положении дел в юстиции края известный томский адвокат П.В. Вологодский⁴⁰.

Именно так поступил выпускник юридического факультета Московского университета мировой судья Нижнеудинска Н.Н. Большаков. 29 октября 1897 г. он подал на имя председателя Иркутского

окружного суда И.И. Гафферберга прошение об отставке, мотивируя ее окончательно и бесповоротно оформившимся убеждением, «что созданный для губерний и областей Сибири тип мирового судьи, исполняющего обязанности судьи, судебного следователя и нотариуса, не по его характеру». Несмотря на все попытки удержать весьма многообещающего молодого сотрудника на службе (по оценке начальства, он обладал «безупречными нравственными качествами» и был «способным»), тот не изменил своего решения и уехал ⁴¹. Еще не прошло и месяца после реализации преобразования, а «Восточное обозрение» уже сообщало, что мировой судья крупного села Тулун подал в отставку, не довольный размером получаемого жалования ⁴².

Вообще, один из основных поводов уйти с должности мирового судьи заключался как раз в слабой материальной обеспеченности, чем, вероятно, объяснялись многие увольнения по собственному желанию. Томский мировой судья П. Покровский, вынужденный сменить профессию в 1898 г., писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 руб., каковой долг и уплатил впоследствии из своих средств» ⁴³. Подобные практики имели самые негативные последствия: высококвалифицированные специалисты не спешили идти на службу в систему правосудия. Так, например, томский адвокат В.Н. Анучин рассказывал об устоявшемся порядке пополнения штата мировых судов крестьянскими начальниками, врачами, судебными секретарями ⁴⁴. Указанный поверенный, кстати, сам предпочел адвокатуру работе чиновника. До ухода в нее в 1906 г. он трудился мировым судьей 6-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии ⁴⁵.

«Бедность» сибирского судебного ведомства доводила ситуацию с мотивированием труда судей до абсурда. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. мировые судьи Алтая, «задавленные и заваленные работой» (слова начальника алтайского округа В.П. Михайлова), не могли справиться с делами о похищении леса, что имело серьезные последствия: «население привыкло к мысли о безнаказанности самовольных порубок». Не желавшее мириться с таким порядком вещей руководство Кабинета его императорского величества по собственному почину приняло решение выдавать судьям с целью стимулирования их работы денежное пособие, что, однако, вызвало недовольство министра юстиции И.Г. Щегловитова ⁴⁶.

Уже из первых заявлений Муравьева касательно сибирского преобразования следовало, что возглавляемое им ведомство делало ставку на моральное стимулирование труда сотрудников, перспективах их карьерного роста и вытекавшего из этого возможного повышения жалования в будущем. Министр перечислил несколько причин, способных побудить чиновников вступить на сибирскую судебную службу: будущность, «быть может, периодических прибавок к содержанию»; «повышение при назначении в Сибирь с низших должностей во внутренних губерниях»; «старательно поддерживаемая надежда, по особо усердном и полезном прослужении известного срока, получить новое

повышение или перемещение в лучшую местность»; «идеальное стремление посылать поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дороге к правде и законности, желание побороться, во имя света и добра, против зла и мрака»⁴⁷. Потенции энтузиазма, однако, оказывались скудными. Вместе с обнаруживавшимся штатным дефицитом, мотивирование за счет душевного подъема приводило к потере тех фундаментальных качеств правосудия, которыми оно наделялось в эпоху Великих реформ Александра II. Так, в декабре 1899 г. старший председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович советовал министерству из-за недостатка лиц с необходимой подготовкой понижать требования к образовательному уровню кандидатов на вакантные места мировых судей в дальних северных участках⁴⁸.

Позже, подобно Муравьеву, расставлял приоритеты Министерства юстиции Щегловитов. 2 декабря 1911 г. этот руководитель заверял старшего председателя Иркутской судебной палаты Н.П. Еракова: «Молодые судебные деятели, пожелавшие принять назначения... в отдаленных от культурных центров пункты и зарекомендовавшие себя усердным и добросовестным исполнением своих обязанностей, по прослужении трех лет, в сих должностях, могут рассчитывать на дальнейшее служебное движение, причем занятие ими должностей в местностях, находящихся в исключительно неблагоприятных условиях в смысле работы и жизненной обстановки, будет принимаемо мною в особое уважение при обсуждении вопроса о предоставлении им повышения по службе». Такие обещания, однако, уже ложились на почву судейского недоверия: привыкшие к обману слуги Фемиды не желали стать жертвой сомнительных посулов еще раз. В данном случае председатель Красноярского окружного суда Б.И. Кгаевский весьма доходчиво довел до Еракова красноречивый отказ судей-кандидатов на призыв министра послужить в тяжелой обстановке: «На предложение принять постоянную командировку в один из отдаленных, упомянутых в вашем письме, судебно-мировых участков никто из состоящих при вверенном мне суде кандидатов на судебные должности не выразил согласия, причем одни из них как на причину отказа от этой командировки сослались на невозможность для них, по состоянию здоровья, перенести суровые климатические условия тех местностей, а другие на то, что, при совершенной неопределенности размера того денежного пособия, которое может быть выдано министерством, они, не располагая собственными средствами, не будут в состоянии на кандидатский оклад запастись всем необходимым как для совершения такой отдаленной поездки, так равно и для поддержания своего существования в этой совершенно некультурной и дикой местности»⁴⁹. То есть охотников из-за идеи рискнуть пройти «суровую, но полезную школу окраинной службы правосудию» (апрельские 1896 г. слова Муравьева в Государственном совете на обсуждении проекта судебного преобразования в Сибири)⁵⁰ уже не оставалось.

Вообще, в России к рубежу XIX—XX вв. материальное положение судей становилось малоудовлетворительным. Потому иногда дело помощи членам судейского сообщества пыталась взять в свои руки сама корпорация судебных деятелей. Делалось это и по инициативе

начальства юстиции страны. Так, 20 ноября 1895 г. было учреждено Благотворительное общество судебного ведомства, сразу распространившее свою деятельность на сибирскую юстицию⁵¹. Численность организации⁵² и размеры материального вспомоществования, которое получали работники судов от этого филантропического учреждения, не впечатляли даже в масштабах всей страны. Например, в 1899 г. оно выдало пособий на сумму в 42 285 руб. 30 коп., а количество пожизненных членов достигло 417 чел., действительных — 5358⁵³.

Аналогичный альтруизм в Сибири также выражался в скромных цифрах⁵⁴. В томское правление общества (по сути, филиал общероссийского) в 1900 г. входило 48 членов. Выделенные им тогда в общей сумме 515 руб. пособия направлялись (всего в девяти случаях) «на лечение, на воспитание детей, на обзаведение домашним имуществом вместо уничтоженного пожаром, на выкуп швейной машины и пр.». Корреспонденту «Сибирского вестника» объемы такого вспомоществования представлялись «довольно существенными», но он же выражал сожаление относительно незначительного числа участников этого содружества⁵⁵. В 1904 г. Тобольская губерния располагала 86 членами аналогичного общества, а его капитал составлял 1655 руб., из которых 855 руб. пошли на помощь тридцати шести нуждавшимся лицам или их неимущим семьям⁵⁶. В отчетах правления Красноярского окружного правления общества за 1907—1911 гг. указывались такие данные: число членов колебалось от 14 до 54, а сумма капитала — от 500 до 1081 рубля. Денежная же помощь оказывалась в большинстве случаев вспомогательному персоналу — секретарям, канцеляристам, тогда как собственно судьям или их родственникам всего трижды и всегда по крайне неприятному поводу (25 руб. выделялось «на погребение отставного мирового судьи», 50 руб. — мировому судье «на погребение дочери», 150 руб. — «вдове товарища председателя на похороны мужа») ⁵⁷. Масштаб и причина такой поддержки словно подтверждали слова молодого, только окончившего Томский университет мирового судьи из с. Карасук Томской губернии С.В. Дианина о том, что для таких, как он, судейских чинов в сибирском захолустье было уготовано «медленное и постепенное умирание»⁵⁸; разумеется, подобное вспомоществование не подталкивало лучше и больше трудиться. Трудно считать серьезным стимулом и другие человеколюбивые начинания руководителей регионального правосудия как, например, решение Омской судебной палаты о строительстве санатория (1914 г.), предназначавшегося для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом поприще служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»⁵⁹.

Таким образом, имелись две модели служебного мотивирования, основаниями которых являлись разные положения администрации и юстиции в государстве и социуме, наглядно продемонстрированные хотя бы самой обстановкой открытия реформированных учреждений в Сибири. Начало работы губернских управлений 1 ноября 1895 г. являлось скучным и неинтересным для общества бюрократическим мероприятием, когда собирались местные чиновники во главе с губернаторами (в Тобольске — с присутствием министра внутренних дел И.Л. Горемыкина) и отслуживались процедурно необходимые торжественные молебствия⁶⁰. Напротив, 2 июля 1897 г. — открытие но-

вых судов — местная пресса окрестила «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири» днем ⁶¹, «великим праздником» ⁶². «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский» ⁶³. В Томске даже, ожидая наплыв горожан на празднество, полицмейстер А.А. Зеленский распорядился назначить к зданию суда усиленный наряд, приказав не пускать в судебные помещения неприглашенных лиц, расположив такую публику на противоположной от суда стороне улицы ⁶⁴. Думы городов, мещанские и купеческие общества выделяли средства на проведение торжеств, улицы городов украшались флагами, здания «роскошно убирались зеленью» и транспарантами, декорировались, устраивались праздничные обеды, организовывались народные гуляния ⁶⁵. Население края, уставшее от дореформенных порядков, ликовало, оно, по словам тобольского губернатора Л.М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу ⁶⁶.

Дело в том, что обслуживая государственную машину, бюрократический аппарат на завершающих стадиях жизненного цикла царизма, неуклонно выдавливавшего из себя либеральную начинку, все больше обособлялся ⁶⁷. «Будучи столь многочисленна и пользуясь властью и деньгами, русская бюрократия жила в особом, ею же созданном мире», у нее были «свои интересы, свои идеи и даже свой язык», и уже «непроходимая пропасть отделяла чиновных от нечиновных» ⁶⁸. Преимущества по службе являлись гармоничной частью того имперского менеджмента, которым обеспечивались устойчивость и выживание самодержавия, для чего, естественно, требовались материальные ресурсы. По поводу таких механизмов в известной книге «Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни» говорилось: «Класс чиновников явился у нас не сам собою, а создан правительством... Раз же люди оставили полезные профессии и привлечены к бюрократии, они не могут быть пущены на “подножный корм”. Правительство вынуждено озаботиться их участью... Как чужеродное растение, администрация разрастается, а вместе с нею увеличивается число лиц, неудовлетворительно кормящихся на счет государственного бюджета и затем получающих пенсию от государства не только для себя, но и для своего семейства» ⁶⁹. Наделенные льготами, местные управленцы нередко представлялись и по отдельности, и в организационной совокупности противниками народа. В Сибири к ним исторически относились неприязненно ⁷⁰, а «Сибирские вопросы» следующим образом передавали, конечно, несколько упрощенный и тенденциозный взгляд обывателя на их деятельность в Томске: «Если вы заглянете в летописи работ губернской администрации за эти годы, то найдете беспрерывные кары, штрафы, наложенные и налагаемые на отдельных лиц, на учреждения и на целые сельские общества» ⁷¹.

Как отмечал В. Тотомиянц, русская бюрократия к общественному мнению «относилась с презрительным равнодушием, и вместе с тем не выносила критики» ⁷². Глубинный смысл независимого суда с гласным, состязательным судопроизводством и защитой прав подсудимых состоял как раз в выработке общественного мнения и уравнивании государственной политики с потребностями социума. Ре-

форма юстиции 1864 г., «создавшая современную судебную систему, а с нею и необходимые условия для внедрения законности в систему управления» ⁷³, способствовала организации правосудия в соответствии с «требованиями, которые предъявляются к суду в правовом государстве» ⁷⁴, и дала России шанс на собственной почве создать гражданское общество. Его формирование находилось в прямой зависимости от того места, какое определялось юстиции в государственной системе реализацией принципа разделения властей, и надежности/авторитета работы в ней, какие обеспечивала зарплата — солидная для тех времен ⁷⁵. По-другому в либеральную эпоху просто не могло быть: ведь самой престижности службы судьи, даже подкрепленной независимостью и несменяемостью, признавалось недостаточно — «для значения его в обществе нужно, чтобы материальная его жизнь была обеспечена... Только при хорошем жаловании можем мы иметь хороших судей; а даровые судьи, как это доказал нам полуторавековой опыт, никуда не годятся». Потому, в частности, признавалось, что «мировые судьи (участковые) должны получать такое вознаграждение, которое дало бы им возможность отдать всю свою деятельность общественному делу» ⁷⁶.

Дополнительные вспомоществования судьям со стороны государства, вполне нормальные для чинов администрации, были чужды природе автономного правосудия и могли ему навредить. О такой опасности рассуждал в начале XX в. знаменитый правовед В.М. Гессен: «Не подлежит никакому сомнению, что судебная независимость парализуется не только карательным воздействием на судей за деятельность, неугодную правительству, но также поощрительным воздействием на них за деятельность, угодную ему. Обеспечьте судье несменяемость, но вместе с тем раскройте пред ним широкие перспективы движения вверх по лестнице служебных отличий, поставьте это движение в зависимость от свободного усмотрения начальства, — и судья окажется послушным орудием в руках, если не карающей, то награждающей власти. По справедливому указанию составителей Судебных уставов, для правильной организации суда необходимо, чтобы значение судьи и в собственных его глазах и в мнении общества зависело единственно от его звания, а не от какого-либо иного почета» ⁷⁷.

Безусловно важная материальная составляющая судебской службы тесно соседствовала с нравственной: действия судьи, выносившего после 1864 г. приговор в соответствии с собственным внутренним убеждением ⁷⁸, определялись этическими императивами, повелевавшими отвечать за свои действия, поскольку теперь в его распоряжении находились судьбы соотечественников. Пожалуй, не было в пореформенной России другой такой сферы, где бы настолько широко применялась неоплачиваемая деятельность, как в судебной. Не потреблявшие казенных финансов присяжный заседатель и почетный мировой судья, вызванные к участию в правосудии лишь возвышенным чувством долга, создавали может быть наиболее яркий образ общественной эмансипации. Благодаря той реформе в Российской империи развился особый этос юриста и судебного деятеля, внушавший «сознание своей ответственности, целей и значимости», формировавший приподнятое ощущение призвания. Правоведы-практики

смотрели на отправление правосудия как на свою личную обязанность, что устанавливало между ними особенную духовную связь, но это же имело для них печальные последствия: «Именно чувство солидарности и профессионального предназначения внушало тем, кто управлял Россией, ненависть к бурно развивавшемуся новому суду» ⁷⁹.

Во время судебной реформы в Сибири правительство, по сути, попыталось вживить правосудие в бюрократический аппарат: здесь мировые судьи лишались независимости и несменяемости ⁸⁰, не было суда присяжных ⁸¹, почетными мировыми судьями могли стать чиновники, и это на практике получило широчайшее применение ⁸². Но и в далекую окраину просочилась судейская корпоративная культура, подразумевавшая заботу о чести и достоинстве не только отдельного служащего, но и всей независимой юстиции. Следование духу свободы, разумеется, приводило к столкновениям с администрацией, привыкшей за Уралом чувствовать себя хозяйкой положения. В 1898 г. исполняющий обязанности прокурора Иркутской судебной палаты А.В. Витте ⁸³, по словам иркутского губернатора И.П. Моллериуса, «признал за собою право преподать губернатору наставление» относительно одного вопроса. Оскорбленный начальник губернии пожаловался иркутскому генерал-губернатору Горемыкину, а тот, присоединив к жалобе другие известные ему факты слишком самостоятельного поведения судебных деятелей по отношению к чиновникам администрации, в свою очередь, обратился к Муравьеву, чтобы тот разобрался со своими подчиненными ⁸⁴. В том же году глава администрации Енисейской губернии, возмущенный, как ему казалось, дерзким отношением мирового судьи 2-го участка Красноярска Е.Г. Шольпа к чиновникам ведомства Министерства внутренних дел, также обратился за поддержкой к генерал-губернатору. Однако здесь, как было установлено, судебный деятель на самом деле пресек произвол чиновников администрации и полиции ⁸⁵. Неизвестен отклик министра юстиции на скандальную ситуацию в Иркутске, но, судя по дальнейшей карьере прокурорского работника ⁸⁶, начальство судебного ведомства империи не имело к его поведению существенных претензий.

По поводу героев данного сюжета можно с уверенностью сказать, что в таких поступках ими двигали не карьерные соображения (возражать губернаторам в Сибири, наоборот, могло означать навсегда поставить крест на своем росте), не расчет на какое-то вознаграждение — это были те случаи, когда высоконравственные чиновники служили обществу и честно выполняли свой долг. В возвышенности их моральных качеств никто не сомневался. Имя Витте имело всероссийскую славу в связи с созданием по его почину Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов с филантропической направленностью ⁸⁷, а сибирская пресса называла чиновника «гуманным администратором» ⁸⁸. В 1898 г. Шольп стал инициатором создания Красноярского общества трезвости (устав утвержден Министерством внутренних дел в 1899 г.) ⁸⁹, которым руководил до 1903 года ⁹⁰. О его интересе к общественным проблемам, например, сами за себя говорили названия докладов, с какими он выступал в Томском юридическом обществе, — «О правах и нуждах крестьян Енисейской губернии» и «О введении земства в Сибири» ⁹¹.

Разным пониманием достоинства и неодинаковыми принципами функционирования ведомств диктовались отличия между порядками стимулирования труда чиновников администрации и юстиции. В случае с последней, огромное значение имели механизмы гласности, позволявшие в процессе осуществления судебской практики отчетливо сознавать, насколько общество нуждается в помощи правосудия. Даже в Сибири поначалу открытые для публики заседания имели такой резонанс, который подчинял ответственность судьи не выслуге или поощрениям, а служению народной пользе. В связи с преобразованием конца XIX в. тут наступило короткое время мечтаний о справедливости, когда, по впечатлениям одного из сибирских мировых судей, местные жители «стекались толпами», только чтобы «посмотреть новый суд»⁹². Например, на первой выездной сессии Красноярского окружного суда в Енисейске горожане «положительно осаждали залу суда». «Повседневные житейские интересы, заботы, работишки, разные мелочи, которыми так полна жизнь провинции, все это стусеивалось, отступило на второй план»; пятьдесят счастливицев, сумевших стать зрителями заседаний (помещение больше не смогло вместить), «до того поражались, до того очаровывались невиданным у нас гласным судопроизводством, что делались способными просидеть, не сходя с места, целый день», а прохожие на улице то и дело спрашивали друг друга: «“Были ли в суде? Как понравилась защита?” “Не находите ли жестоким такой приговор?”»⁹³

При этом судебная служба равно наполнялась добродетелями на всех уровнях, независимо от поста в этажах структуры организации, и на это имелись отнюдь не какие-то отвлеченные ментальные основания. Представитель или учреждение судебной власти безотносительно ступени/инстанции могли нести обществу одинаковую или вполне сравнимую дозу справедливости. Выслуживаться перед вышестоящим начальством, как требовалось в исполнительной власти, в таком случае просто не было нужды. Примечательно, что сибирские губернаторы, вице-губернаторы и другие чины администраций Сибири, в подтверждение сказанному, считали для себя за честь быть почетными мировыми судьями⁹⁴, да и сам Муравьев, как он заявлял в Томске на открытии новых судов, с гордостью носил это же уважаемое звание⁹⁵. «Судейство», не связывавшее человека ни с происхождением (одним из принципов суда, как известно, была бессословность), ни с чем-то материальным, плохо конвертировалось в систему бюрократических субординаций и канцелярской закрытости процедур, порой совершенно непонятных поданным и воспринимаемых как придирки сытого начальства к бедному люду. Когда Министерство юстиции, чтобы компенсировать дефицит казенных средств, за Уралом стало практиковать в качестве чуть ли не главного инструмента мотивирования продвижение по службе, оно подменяло ценностями бюрократизма сложившуюся в судебской среде традицию служения общественному благу и закону, а не государству.

К моменту реформирования сибирских юстиции и администраций в 1890-х гг. самодержавие уже давно вело «войну» с собственной судебной системой (трактовка развертывания событий в пореформенной России современного американского историка Ричарда Уортмана)⁹⁶. Ресурсы страны находились в безраздельном распоряжении

царского режима, которыми он в эпоху либеральных иллюзий — «до финансовой политики экономить за счет насущных потребностей населения» (слова Анучина)⁹⁷ — не скупился снабжать правосудие. Но в обстановке наступившего противоборства достаточное денежное обеспечение судебной системы оказывалось ничем иным, как предоставлением недругу дополнительных сил. Одним из итогов стало пренебрежение к финансированию суда: это демонстрировалось скудным вознаграждением в Сибири, где имелся перекося в сторону морального стимулирования труда и где энтузиазм судей власть пробовала использовать, чтобы сберечь финансы страны. Вряд ли достаточными являлись ресурсы административного ведомства края, но его работники, в отличие от судебных, могли рассчитывать на устойчивое покровительство государства в виде, хотя далеко несовершенной, системы льгот и привилегий.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX — первой половине XX вв.)».

1. Первой можно считать книгу А.В. Ремнёва (РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск. 1997), обозначившую главные вопросы в изучении сибирских администрации и системы правосудия последних десятилетий царского режима и указавшую направления перспективных исследований. На настоящий момент историография в рамках данной тематики насчитывает десятки монографий и диссертаций, сотни статей. В изучении юстиции ближе всех к затрагиваемым в настоящей статье аспектам подошла, пожалуй, О.Г. Бузмакова, обратившая внимание на отдельные меры стимулирования труда судебных чиновников. См.: БУЗМАКОВА О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX века. Новосибирск. 2012, с. 85—96. Наибольший интерес к служащим в губернских управлениях проявили В.В. Гермизеева, Т.Г. Карчаева и А.В. Палин. См.: ГЕРМИЗЕЕВА В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск. 2015; КАРЧАЕВА Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822—1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2013; ПАЛИН А.В. Томское губернское управление (1895—1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово. 2004.
2. Речь шла о введении в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях губернских управлений, состоявших из губернатора, общего присутствия и канцелярии. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), собр. III, т. 15, № 11 757, ст. II. «Несмотря на некоторые недостатки (нечеткая формулировка отдельных статей закона, отсутствие канцелярии губернатора, неопределенность порядка проведения заседаний общего присутствия, процедуры голосования и др.), новая организация губернских учреждений содержала ряд положительных моментов: во-первых, была упрощена их внутренняя структура, ликвидированы некоторые учреждения; во-вторых, установлено более четкое разделение функций в отделениях канцелярии. Несколько увеличился размер вознаграждения чиновникам», — так характеризует преобразование 1895 г. В.Е. Зубов. См.: ЗУБОВ В.Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск. 2009, с. 226—227.
3. Устанавливались мировой суд, окружные суды и Иркутская судебная палата (ей подчинялись семь округов сибирских окружных судов из восьми сибирских; Тобольский окружной суд первоначально включался в округ Казанской судебной палаты). ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12 932. В 1898 г. в связи с преобразованием юстиции в Центральной Азии учреждалась Омская судебная палата с подчинением ей сибирских Тобольского и Томского окружных судов (ПСЗ, собр. III, т. 18, № 15 493, ст. VIII); окружные суды далее на восток оставались в округе палаты Иркутска.

4. ПСЗ, собр. III, т. 2, № 886.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 69, д. 7107в, л. 2.
6. ПСЗ, собр. III, т. 5, № 2770.
7. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1894—1895 гг. СПб. 1895, с. 173.
8. Имеется в виду, прежде всего, высокий образовательный ценз, установленный для судей.
9. Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 4, с. 117—118.
10. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб. 1901, с. 32—33.
11. WAGNER W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies. — Slavonic and East European Review. 1976, vol. 54, no. 3, p. 371—394.
12. PLANK T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia. — William and Mary Bill of Rights Journal. 1996, vol. 5, no. 1, p. 1—74.
13. ПСЗ, собр. III, т. 6, № 3817.
14. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 152, оп. 34, д. 674, л. 79.
15. Там же, оп. 36, д. 61, л. 209.
16. О.Г. Бузмакова указывает на некоторые прибавки к жалованию, которые получали за службу в отдаленных местностях судьи в Сибири. БУЗМАКОВА О.Г. Ук. соч., с. 90—92.
17. Реформа местного суда в Сибири. — Труды Юридического общества при Императорском Томском университете. Вып. 2. Томск. 1911, л. 2—3, 17—18.
18. ГАТ, ф. 479, оп. 6, д. 5, л. 9.
19. Там же, ф. 152, оп. 34, д. 1026, л. 56, 63.
20. Государственный архив Красноярского края (ГА КК), ф. 42, оп. 1, д. 48, л. 87, 104.
21. ГАТ, ф. 152, оп. 47, д. 164, л. 26.
22. ПСЗ, собр. III, т. 6, № 3817, ст. 14, 36.
23. КАРЧАЕВА Т.Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822—1917 гг.). — Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012, № 4, с. 235.
24. Сибирь в составе Российской империи. М. 2007, с. 149.
25. ЗУБОВ В.Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск. 2005, с. 195—196.
26. ГАТ, ф. 152, оп. 36, д. 326, л. 3—5, 15, 31—34, 71—73.
27. Там же, оп. 34, д. 479, л. 56.
28. ГЕРМИЗЕЕВА В.В. Ук. соч., с. 72.
29. РЕМНЁВ А.В. Ук. соч., с. 230.
30. ЗУБОВ В.Е. Реформа гражданской службы..., с. 196.
31. Сибирский судья. Сибирские впечатления. — Судебная газета. 5.VIII.1901.
32. Об удешевлении сибирской юстиции министр заявлял в Государственном совете. МУРАВЬЁВ Н.В. Объяснения в Государственном совете 6 апреля 1896 г. В кн.: МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 400. Действительно, государству «сибирский судебный округ» должен был обходиться в сумму меньше любого другого более чем на четверть. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
33. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 171об.—172.
34. Там же, л. 49.
35. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 66об., 68—68об.
36. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 23, л. 19об.—20.
37. Сибирский судья. Сибирские впечатления.
38. Сибирская хроника. — Восточное обозрение. 23.VII.1897.
39. ПЛОТНИКОВ М. Хроника внутренней жизни. — Русское богатство. 1898, № 8, с. 170.
40. В-й П. [П.В. ВОЛОГОДСКИЙ]. Годовщина судебной реформы в Сибири. — Сибирская жизнь. 2.VII.1898.
41. Государственный архив Иркутской области (ГА ИО), ф. 243, оп. 1, д. 14, л. 46—46об.
42. Восточное обозрение. 27.VII.1897.
43. Государственный архив Томской области (ГА ТО), ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 11—12об. В истории П. Покровского примечательно, что при назначении на судейский пост

- он, вероятно, стал жертвой хитроумной бюрократической игры. Этот выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета с немалым уже стажем сибирской службы в момент судебного реформирования в крае претендовал на должность члена Томского окружного суда. Но старший председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович уговорил стать мировым судьей (в таковых больше нуждались), поскольку якобы считал его «судейскую опытность и работоспособность особенно ценною в интересах нового для Сибири мирового суда».
44. АНУЧИН В.Н. Пасынки Фемиды. — Сибирские вопросы. 1909, № 51—52, с. 61.
 45. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 149, л. 28об., 41.
 46. РГИА, ф. 468, оп. 24, д. 1507, л. 1—3об., 6, 12—13об.
 47. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 405.
 48. ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 15, л. 130об.
 49. Там же, ф. 243, оп. 1, д. 325, л. 2—2об.; ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 238, л. 3—3об., 29—29об.
 50. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 404.
 51. Сведения о деятельности Благотворительного общества судебного ведомства. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 1, с. 44—45.
 52. Величина капиталов этих организаций зависела от количества участников, поскольку они складывались преимущественно из членских взносов.
 53. Благотворительное общество судебного ведомства. — Право. 21.V.1900.
 54. О.Г. Бузмакова предоставляет отдельные сведения о работе Благотворительного общества судебного ведомства в Сибири. БУЗМАКОВА О.Г. Ук. соч., с. 94—95.
 55. Сибирский вестник. 27.III.1902.
 56. Сибирский листок. 7.IV.1905.
 57. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 156, л. 1—22.
 58. ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 183, л. 13—14об.
 59. Государственный исторический архив Омской области (ГИА ОО), ф. 25, оп. 1, д. 279, л. 2—3.
 60. См., напр.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень. 2000, с. 382—383; Сибирский вестник. 2.XI.1895.
 61. Томский листок. 1.VII.1897.
 62. Енисей. 2.VII.1897.
 63. Восточное обозрение. 24.VIII.1897.
 64. Томский листок. 2.VII.1897.
 65. Иркутские губернские ведомости. 9.VII.1897; Сибирский вестник. 3.I.1898; Сибирский листок. 29.VI.1897; Тобольские губернские ведомости. 12.VII.1897; Томский листок. 1.VII.1897.
 66. РГИА. Коллекция печатных записок, № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г., с. 13.
 67. В.В. Ивановский в начале XX в. констатировал: «С социологической точки зрения бюрократия является самостоятельным общественным классом, возникающим и развивающимся согласно со всей совокупностью условий социальной жизни». ИВАНОВСКИЙ В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс. — Русская мысль. 1903, № 8, с. 10.
 68. ТОТОМИАНЦ В. Бюрократическая опасность. — Мир божий. 1905, № 5, с. 183—184.
 69. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб. 1889, с. 151.
 70. Про давние противоречия между населением и бюрократией в Сибири встречались такие суждения современников: «Старожилы не знали крепостного права, угнетавшего на Руси наших дедов, убивавшего в них гордость и человеческое достоинство. Благодаря таким счастливым обстоятельствам сибиряк не так забит и унижен, как наш российский мужик. Он не привык ломать шапку перед баринном, горд и чувствует себя таким же человеком, божьим созданием, как и всякий другой. Зато сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, которое имело еще больше власти, чем у нас на родине, и как мы видели выше, всячески насильничало над сибирским населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть. Нравы под влиянием административного произвола ожесточались». ПЕТРОВ М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М. 1908, с. 83—84.
 71. А.Б.В. Удивительная губерния или удивительные губернаторы? — Сибирские вопросы. 1912, № 3—4, с. 41.

72. ТОТОМИАНЦ В. Ук. соч., с. 184.
73. УОРТМАН Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М. 2004, с. 454.
74. КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание). — Вехи. Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909—1910. М. 1991, с. 130.
75. По убеждению тогдашнего министра юстиции Д.Н. Замятина, значительное повышение содержания судейского аппарата представлялось столь насущным, что без него реформа получила бы «ложное направление» и была бы несостоятельной. См.: КОНИ А.Ф. Новые меха и новое вино. В кн.: КОНИ А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М. 1967, с. 243; Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб. 1902, с. 94.
76. ФИЛИППОВ М. О мировом суде. — Русское слово. 1863, № 5, с. 8—9.
77. ГЕССЕН В.М. О судебной власти. — Судебная реформа. М. 1915, с. 10—11.
78. До реформы в уголовном процессе применялось правило формальной оценки свидетельств.
79. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 445, 455.
80. В соответствии с законом 13 мая 1896 г., сибирские мировые судьи назначались, перемещались и увольнялись властью министра юстиции, а не выбирались и утверждались высочайшей властью, как предусматривали Судебные уставы 1864 года.
81. Введен лишь в 1909 г. только в двух сибирских губерниях — Тобольской и Томской. ПСЗ, собр. III, т. 29, № 31 862.
82. См., напр.: ГЛАЗУНОВ Д.А. Почетные мировые судьи Сибири: государство и общество в конце XIX — начале XX в. — Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX вв. Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск. 2004, с. 108—112; МИЦКЕВИЧ Э.В. Институт почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты (конец XIX — начало XX вв.). — Сибирская ссылка: Сб. научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск. 2009, с. 183—191; ЧЕЧЕЛЕВ С.В. Институт почетных мировых судей округа Омской судебной палаты. — Вестник Омского университета. 1998, № 4, с. 107—110.
83. Сотрудники прокуратуры — «полуадминистративного» учреждения, представлявшего собой «как бы враждебный суду орган» — из имевшихся в Российской империи отрядов судебных деятелей находились ближе всех к администрации и нередко замечались в недружелюбии к юстиции. В приводимом случае, однако, прокурорский работник явно считал свою должность независимой от исполнительной власти. См.: МУРАВЬЁВ Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. 1889, с. 27—28.
84. ГА ИО, ф. 25, оп. 6, д. 190, л. 1—13.
85. Там же, оп. 28, д. 199, л. 6—7, 28—28об., 35—37об.
86. 29 января 1899 г. С.Ю. Витте назначался инспектором 5-го класса Главного тюремного управления (ГА ИО, ф. 245, оп. 5, д. 67, л. 7об.—8), в 1902 г. — председателем Томского окружного суда. См.: Заметки о судопроизводстве и судоустройстве. — Сибирский наблюдатель. 1902, № 3, с. 160.
87. ИВАНЮКОВ И.И. Очерки провинциальной жизни. — Русская мысль. 1896, № 6, с. 162; Хроника. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 6, с. 231—232.
88. Енисей. 7.XII.1897.
89. ГА КК, ф. 595, оп. 8, д. 2938, л. 1, 19.
90. Енисей. 28.III.1903.
91. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1903 г. Томск. 1904, с. 164.
92. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124об.
93. Енисей. 10.XII.1897.
94. В сознании россиянина это также ни в коем случае не подразумевало понижения статуса, а совсем наоборот. Отношение же сотрудников администраций к такой престижной должности характеризует казус, имевший место в 1899 году. Вице-губернатор Н.В. Протасьев, когда его по какой-то оплошности не включили в список почетных мировых судей, сильно расстроился. По словам председателя Тобольского окружного суда С.В. Сукачёва, второй человек в губернской администрации, посчитал себя «обиженным тем, что был обойден при представлении кандидатов», и настоятельно просил исправить данное недоразумение. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 41, л. 79—79об.
95. Томский листок. 13.VII.1897.
96. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 475.
97. АНУЧИН В.Н. Мировой судья на Кавказе. — Утро Сибири. 10.XII.1911.